

© 2011 г. Л.В. Зорина

УДК 141

КОНЦЕПЦИЯ ИДЕАЛЬНОГО ТЕЛА

Средневековому миропониманию соответствовала идея мира как божественного творения, которое может быть преобразено, очищено от человеческих грехов и возвращено к Божественному сознанию. Символическим выражением этой идеи являлось также представление об идеальном теле, воплощающем принципы божественной красоты и совершенства на человеческой ступени мироздания. Уже в раннехристианском искусстве мы видим образ Христа – Доброго пастыря, изображаемого в виде прекрасного златокудрого юноши. И в дальнейшем, на протяжении истории Средних веков, фигуры богочеловека и святых, как правило, наделялись прекрасными чертами, которые служили признаками близости к Абсолюту. Образ Христа давал обычному человеку импульс к реализации богоподобия в самом себе. Легенды о святых способствовали вере в то, что ценой жертвенного акта, можно прийти к трансформации собственной греховной, то есть телесной природы. Одним из примеров здесь является «Легенда о добром грешнике», своеобразно претворенная Т. Манном в романе «Избранник». Писатель представляет картину средневекового мира в несколько ироничном ключе, и выглядит она даже более адекватно, чем это могла бы дать вполне серьезная интерпретация. Тело в романе выступает как сквозной символ, основная идея повествования раскрывается через телесный образ главного героя.

Герой этот – юноша Григорс, одаренный умом и красотой, появляется на свет в результате тяжкого греха своих родителей – брата и сестры. Красота тела Григорса, его умственные и физические способности выступают аналогом совершенства и красоты мира, сотворенного Богом, но оскверненного грехами людей. Когда юноша узнает правду о своем происхождении, его угнетает мысль, что столь «благообразное» тело является «детищем греха и позора». Такое утверждение не имеет отношения к душе. Согласно христи-

анской традиции, душа – путь к освобождению и очищению. Именно тело, пребывающее на земле среди сходных тел, которые состоят из той же плоти, несет печать страшного греха, нечистого рождения, нарушающего божественный порядок. Зло гнездится в плоти, плоть – материя и подвержена осквернению – это неоплатоническая идея, которая получила развитие в средневековом мировоззрении. Но образ избранника – это образ идеального человека, а значит, и совершенного человеческого тела. Его телу свойственна идеальность и универсальность, невозможные в мире обычных людей, воплощением которого в романе служит Флан – молочный брат героя и остальные рыбаки. «Флан ... был малый могучего телосложения, с короткой шеей, коренастый и широкогрудый» [1, с. 109]. Флан выступает здесь как образ телесной грубой силы. Григорс одинаково великолепен и в роли ученого послушника, и в седле рыцаря, где демонстрирует силу и ловкость. «Собранность» тела в борьбе и умственные способности – качества идеального тела. В конце истории высота духа и период трансформации, пройденный героем, преодолевают греховность материальной природы. Однако подобная духовная сила изначально коренится в теле Григорса. Оно имманентно содержит возможность совершать необычные поступки, а главное – возможность перевоплощения и искупления. Эти свойства трудно представить в тупом и грубом теле Флана. Можно сказать, что Григорс – человек-пневматик, если пользоваться терминологией Филона Александрийского.

Совершенство не может быть связано в воображении с образом слишком телесным (Флан), ведь именно тело должно демонстрировать присутствие духа своим изяществом, красотой, пластичностью. Поэтому гибкое, универсальное тело Григорса является здесь воплощением духа как динамического принципа. Кроме того, для средневекового мышления, картину которого рисует Манн, характерно представление о тождестве идеального (в онтологическом плане) и реального. Принцип подобия, служивший основанием средневековой образности, подразумевал, что выражение есть отпечаток содержания. Человек – образ Бога. Чем совершеннее человек, тем гармоничнее и благообразнее его тело. Здесь необходимо подчеркнуть андрогинность в облике Григорса. Она символизирует гармонию и равновесие мировых начал: тело избранника – прообраз идеального мира. Тело человека изоморфно вселенной. Красоту тела здесь можно истолковать и как знак возможности очи-

щения – через временное уничтожение красоты герой приходит к ее обновлению, тело возрождается, восстанавливается – Григорс возвращается в мир для того, что бы поддерживать в нем божественной порядок. Временный уход из мира, отказ от «человеческого» является необходимым условием возвращения к «человеческому» в новом качестве. Облик твари размером «не больше ежа», в котором Григорс пребывает целых 17 лет, это не что иное, как пребывание в чистом духе и одновременно в объятиях матери-земли. Это символ выхода за пределы антропологической границы, где только и может свершиться настоящая трансформация.

Социальная структура средневекового общества также есть отражение божественной иерархии мира. Поэтому Григорс не мог иметь иного происхождения, кроме «благородного». Когда он занимает свое истинное место – в центре христианского мира (то есть папский престол), тело его обретает прямую аналогию с сакральным мировым центром. Как в скорлупе оно сокрыто за дверями множества покоев. Средневековая христианская концепция тела харизматической личности оказывается тесно связанной с идеей апокатастасиса. Совершенно иная концепция тела реализуется в альтернативной культуре XX-XXI вв. Именно альтернативная культура в наше время демонстрирует основные тенденции социокультурной динамики, поскольку направлена на критику устоявшихся стереотипов. Здесь герой имеет статус бунтаря, и тело его делается объектом разрушения с целью познания собственных возможностей и пределов «человеческого» в себе самом. Отвращение к буржуазной потребительской идеологии современного общества включает в себя элемент неприятия тела как носителя «слишком» человеческого начала, обусловившего рождение цивилизации, направленной на потребление. Утрата доверия к человеку и созданной им культуре ставит тело на грань и делает его средством выхода из раздражающей действительности. Отказ от «человеческого» здесь – отказ от привычных модусов человеческого бытия.

Одной из ключевых фигур контркультуры является Джим Моррисон. Личность, давно ставшая легендарной, превратилась в символ эпохи постмодерна. Моррисон – это образ бунтаря и бродяги, пребывающего в постоянном поиске разрыва с привычным, обыденным миром человеческого существования. Тема современной цивилизации проходит в его произведениях как тема города. Особенно ярко это проявляется в книге «Властители». Пес-

симиристический образ современного города, созданный «последним проклятым поэтом», продолжает традиции позднего романтизма и символизма (Бодлер, Рембо). Грязь, болезни, проституция – неперенные атрибуты мегаполиса, который вызывает ассоциации с огромным человеческим телом. Это – воплощение органической жизни, вышедшей из под контроля. Пространство примитивной телесности, где нет больше места гармонии. Прорваться к истинной реальности современный бунтарь или «пророк» может путем саморазрушения, изживания нормальной телесной жизни. Секс, например, в данном случае перестает быть удовлетворением потребности организма или способом продолжения рода, а служит для того, чтобы раскрылись «двери восприятия». В истории Григорса выход из человеческого мира, временное превращение выглядит как естественный процесс, необходимый этап преобразования. «Избранник» находит этот путь, следуя логике, характерной для своего времени. Современному герою остается лишь путь сознательного и скандального саморазрушения, уничтожения в себе привычного человеческого модуса существования. «Расколдованный», утративший богоподобие мир не позволяет сделать иной выбор. Трансформация здесь всегда будет носить печать «ненормальности».

Идея книги Моррисона «Властители» восходит к философии Ницше, которая имела огромное влияние на формирование жизненного стиля поэта и рок-звезды. Властители – «артисты» (поэты, художники, режиссеры и т. д.), они и теперь играют роль, предназначенную для них с древних времен – открывают истинный лик мира. Только они могут выявить подлинную цену «параноидной» и конформистской цивилизации. «Властители» показывают тайну природы, сокрытой также в человеческом теле, заставляют вспомнить о забытом соответствии макро- и микрокосмоса. Поэтому Моррисон ведет происхождение «властителей» от алхимиков: «Алхимия – наука эротическая, она имеет дело с погребенными аспектами реальности, нацелена на очищение и преобразование всего сущего и материального» [2, с. 440]. Но обитатель современного города – чаще всего лишь зритель. Для него «алхимическое» таинство кино и прочих зрелищ – только утешение, способ виртуального бегства от осознания собственной смертности, бессилия перед миром и неспособности жить. Но целью человека должен стать выход к «естественному» состоянию, интуитивно-чувственному.

С моррисоновским восприятием города можно сравнить образ современного мегаполиса, созданный Г. Миллером в романе «Тропик козерога»: «Бесплотный, бескровный город, чье совершенство есть вершина логики и смерть мечты» [3, с. 121]. Такой город – убийство тела, плоти, а значит, уничтожение жизненного потока. Совершенство человеческого мира, построенного для защиты от стихии, ставит под вопрос богоподобие человека, его способность творить самого себя. У Моррисона городская цивилизация с ее зрелищами (кино, пип-шоу) – суррогат реальной жизни, «тотальная подмена мира, данного нам в ощущении» [2, с. 434]. Вот, что важно для Моррисона – чувство, восприятие, способствующее интуитивным прозрениям. Это возвращает человеку подлинное бытие, то есть возможность преображения. Так осуществляется противостояние городу как «параноидной системе» (Делез и Гваттари). Жизненное кредо «проклятого» поэта прочитывается в его произведениях:

«Врубаетесь?

Моя плоть доподлинна.

Руки мои – как они шевелятся

Гармоничные, точно изящные демоны

Мои – так спутались и корчатся ...

Я подлинен

Я человекен

Но я не обычный человек

Нет Нет Нет» [2, с. 23]. (Пунктуация автора).

Здесь звучит отказ от установленных идеалов. Идеалом может быть только жизнь – поток, стихия (апелляция к Ницше). «Я не обычный человек», в данном случае это означает, что необходимо изменить природу человека, расширить ее пределы.

«... Я знаю чего вы хотите.

Экстаза

Вожделения и грез ...

Давайте воссоздадим мир

Дворец зачатия пылает ...» [2, с. 24].

Человек воссоздает мир и себя заново, в акте преображения. И это – внутренний процесс. Цель достигается индивидуально, в личном пространстве.

Путь к познанию, открыванию «дверей восприятия», выход к инобытию воплощается в фигуре, уподобленной, пусть и бессознательно, древним героям-пророкам, харизматикам, которые несут печать безумия в глазах «мира сего». Безумная трата, истощение может являться главной альтернативой в тот период, когда культура действительно стала антропогенной, слишком зацикленной на человеческих ценностях, таких как сохранение здоровья и долголетия. Современное «пророчество» и «мессианство» подсознательно содержит в себе момент стремления к полноте бытия, воплощенный в фигуре Богочеловека. Образ божественного тела, по сути, представлял собой образ человека. С его помощью демонстрировались идеи, благодаря которым человек постепенно освобождался от «земли». Древнее отождествление божественного и человеческого тел проявлялось в их «космической» трактовке. Потом возникли концепции, выражающие стремление «очистить» тело человека, что бы уподобить его телу Сына Божьего, сделать идеальным. Божественный/человеческий образ европейской традиции сформировался благодаря синтезу платонизма и христианства (если говорить подробнее, то здесь нужно упомянуть идеи орфики, стоиков, пифагорейцев, каббалистическое учение о первоначальном Адаме). Вторая половина 20-го века и начало 21-го нередко демонстрируют образ человека как тела монструозного или распадающегося. Все это следствие *неполноты* идеи Бога в христианской культуре, которую отмечал еще К. Г. Юнг. Развитие такой мысли можно встретить и у Ж.-Л. Нанси.

Средневековое сознание связывало феномен откровения и преобразования с определенным сакральным пространством мира, которое отпугивает обычных людей (в истории Григорса это – голая каменистая скала посреди озера). В новой культуре местом преобразования становится сценическая площадка. Но главное в том, что подлинное сакральное пространство – само тело. Или тело «втягивает» это пространство в себя и обретает предельную динамику. Такое тело – «тело-двойник». Ацентрической культуре постмодерна соответствует ацентрическое тело, которое в акте развоплощения, истечения, в экстазе, способно порождать множество модусов бытия или «тел-двойников». Отказ от традиционных конформистских ценностей происходит здесь естественным образом: это просто невозможность вернуться на старую, устоявшуюся почву. Потому контркультуры и даже субкультуры представляются извращением с точки зрения параноидной системы. (Хотя контркультуры

стремятся к этому прямо, в отличие от субкультур, большинство из которых демонстрируют лишь уход и обособленность). Ценности контркультуры в основе иррациональны, идеология ее в первую очередь ставит целью освобождение человека и его естественных желаний. А в комплекс таких желаний, если говорить о полноте человеческой идеи, входит и желание смерти – смерти как трансформации, перехода в новую модальность бытия. Результатом подобных опытов может стать путь в Ничто, смерть физическая, но также – и переосмысление установок по отношению к реальной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Манн Т.* Избранник. М., 2010.
2. *Моррисон Дж.* Пленка Полдень. М., 2004.
3. *Миллер Г.* Тропик козерога. М., 2006.

Уральский федеральный университет

им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина

19 октября 2011 г.